

Касаткина Екатерина Андреевна

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ США В ОТНОШЕНИИ КУБЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

На основании политико-философских идей Американской революции XVIII в. и трудов классиков политического реализма анализируются принципы формирования внешней политики США в отношении Кубы. Особое внимание в работе автор уделяет эволюции доктрины Монро и реализации ее основных положений в американских внешнеполитических стратегиях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-2/25.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. II. С. 103-106. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 327(73):327(729.1)

На основании политико-философских идей Американской революции XVIII в. и трудов классиков политического реализма анализируются принципы формирования внешней политики США в отношении Кубы. Особое внимание в работе автор уделяет эволюции доктрины Монро и реализации ее основных положений в американских внешнеполитических стратегиях.

Ключевые слова и фразы: Американская революция; политический реализм; доктрина Монро; поправка Платта; национальные интересы.

Екатерина Андреевна Касаткина

*Кафедра новой, новейшей истории и международных отношений
Кубанский государственный университет
kasatkina_k@inbox.ru*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ США В ОТНОШЕНИИ КУБЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. ©

Формирование американской внешнеполитической стратегии в отношении Кубы во второй половине XX - XXI вв. - неотъемлемая часть исторического становления внешней политики США в целом, которая развивалась в контексте общей политической ситуации того времени и опиралась на широкий спектр политико-философских идей и учений XVIII - начала XX вв., без исследования которых объяснение принципов формирования внешней политики Соединенных Штатов невозможно.

Под напором революционных событий 1775-1783 гг. окончательно установился особый взгляд на мировую историю и роль, отведенную в ней Америке. Отдельные его составляющие бытовали давно, некоторые с момента основания американских поселений, но они неизменно уравнивались иными точками зрения и не использовались всеобщим признанием, хотя к ним и апеллировали в ходе политических дебатов. На первый взгляд политико-философская мысль американских идеологов того времени, выраженная и в официальных документах, и в развернутых объяснительных памфлетах, оставляет впечатление эклектической неразборчивости. Но при всем этом они объединялись в единое целое под воздействием одного течения мысли. По мнению Б. Бейлина, историка американской революции, «это был самый созидательный период в истории американской политической мысли. Все, что затем следовало, принималось и основывалось на его результатах» [10, р. 82].

Новое государственное образование мыслилось как империя, которая вызывала в памяти идеализированное прошлое, мировой порядок или политическую цивилизацию, подобную Риму [11, р. 50].

Важнейшими понятийными символами, лежащими в основе национальной самоидентификации американцев, являются образы свободы и избранности американского народа. Идея свободы практически с самого начала истории США становится центральным понятием американского самосознания и служит основным «божественным» принципом для строителей демократического общества. С идеалом свободы тесным образом связан ещё один понятийный символ - «избранный народ». Первые американские поселенцы часто сравнивали себя с еврейским народом, который был выведен Богом из Египта в Землю Обетованную. Параллели с ветхозаветной историей - излюбленные образы американских политиков не только прошлого, но и настоящего. Связь идеи свободы с идеей избранности самая прямая: американцы избраны для того, чтобы нести свободу. Свобода (ровно, как и большинство других американских ценностей) в сознании американцев не является специфической американской ценностью, напротив, она - ценность общечеловеческая, но именно американцам доверена судьба свободы, именно от них зависит, утвердится ли свобода в мире.

В американском сознании общечеловеческий идеал свободы вначале редуцируется до локализации в пределах благословенной американской земли, а потом это видение должно распространиться и на остальные страны, естественно, в американском варианте, исходя из американского понимания вещей и американских интересов. Так в 1789 г. А. Гамильтон, видный деятель американской революции, писал: «В последнее время часто утверждают, что именно на долю нашей страны выпало решить важный вопрос: действительно ли способны сообщества людей к устройству правления по разумению своему и выбору, либо обречены они навечно иметь основанием своего политического объединения случай и силу... Ошибку в избрании предстоящей нам роли мы должны мыслить как бедствие, общее для человечества» [2, с. 29-30].

Идеи Первой американской революции XVIII в. нашли свое продолжение в речи пятого президента США Джеймса Монро в июле 1823 г., вошедшей в историю как доктрина Монро. Она была изложена в форме предупреждения правительству Испании и провозглашала «non-colonization principle» [3, с. 243]. Идея провозглашения обеих частей американского континента зоной, закрытой для европейской колонизации, принадлежала Д. К. Адамсу, государственному секретарю в администрации Д. Монро. Главный принцип данной доктрины был изложен в весьма общей форме: «Америка для американцев». В основе аргументации Д. К. Адамса лежали утверждения, что американские континенты полностью находятся во владении независимых цивилизованных государств и что США обладают исключительными правами на территории

северо-запада Америки, «унаследованные» от Испании по договору 22 февраля 1819 г. (в настоящее время данный факт признан несостоятельным). Кроме того, следует обратить внимание на принцип разделения мира на европейскую и американскую системы, где под второй подразумевалась система самих Соединенных Штатов как образцовая [Там же, с. 244]. По сути, это была первая попытка Вашингтона обозначить границу своих национальных интересов.

Естественно, доктрина Монро не признавалась как норма международного права европейскими государствами ни в XIX, ни в XX в., так как многие из этих государств еще сохраняли в Западном полушарии свои колонии или зависимые территории. Не признавали этой доктрины и страны Латинской Америки, попавшие под экономическую и политическую зависимость от США. Россия, в свое время владевшая Аляской и претендовавшая на некоторые территории, лежащие к югу от Аляски, так же отказывалась рассматривать американские требования. Но для Соединенных Штатов доктрина Монро стала одним из главных принципов внешней политики. Как отмечал американский политолог Дж. Гэддис, Соединенные Штаты «поняли выгоду обладания гегемонией в Западном полушарии задолго до того, как стали задумываться о своей глобальной гегемонии» [9, р. 177].

Право на вмешательство в рамках особой роли США в латиноамериканском регионе, по сути, не подвергалось сомнению и в той или иной форме реализовывалось практически всеми администрациями. А лежавшая в основе этого подхода уже упомянутая нами доктрина Монро неоднократно «переписывалась» и интерпретировалась все более широко. То, что в 1823 г. подразумевало недопущение использования западно-европейскими державами хаоса и внутренних конфликтов, царивших в регионе после завоевания независимости с целью наращивания собственного присутствия, уже к концу XIX в. преобразовалось в прочно устоявшийся взгляд на Латинскую Америку как на пространство, которое Соединенные Штаты должны «по определению» контролировать.

Причем это, с одной стороны, позволяло периодически объявлять либо весь регион, либо близлежащий Карибский бассейн зоной «жизненно важных интересов» США. А с другой - рассматривать Латинскую Америку как удобную площадку для экспериментов, которые Вашингтон не мог себе позволить в других, более приоритетных районах мира. Соответственно, считалось, что в этой «серой зоне» ошибки и просчеты обходились Соединенным Штатам относительно дешево, да и последствия их казались куда более подконтрольными. Отметим, что традиции вмешательства, манипулирования, наведения порядка, силового обеспечения собственных интересов оказались чрезвычайно устойчивыми. Политическая культура США как на уровне массового сознания, так и государственной политики, в силу предрасположенности, особой социокультурной ментальности во многом сформировалась на этом опыте [7, с. 14-16].

Именно в это время в политической культуре правящих кругов США закрепился и другой принципиальный компонент, от которого вплоть и до нынешнего времени так и не смогли отказаться. Речь идет об односторонней стратегии и практике принятия решений в отношении латиноамериканского региона, в соответствии с которыми Западное полушарие рассматривалось главным образом как объект проекции американских интересов, а не как субъект международной жизни. Решения, касающиеся этого региона, в том числе и такие, которые существенно влияли на его положение в мировой политике и экономике, как бы «спускались сверху вниз» [Там же, с. 17].

Куба, находившаяся в непосредственной близости от берегов США, в полной мере испытывала политическое и экономическое давление со стороны американского правительства. Показательна в этом отношении поправка Платта, принятая Конгрессом и утвержденная президентом США У. Мак-Кинли 2 марта 1901 г. Принятие данной поправки было предопределено завершением Испано-американской войны 1898 г., когда Куба осталась под контролем американской военной администрации, обеспечивавшей стабильность в стране и соблюдение стратегических и экономических интересов США. Сохранение американского контроля над островом оправдывалось необходимостью недопущения впредь новой вспышки эпидемии желтой лихорадки, унесшей много жизней. В дальнейшем было заявлено, что вывод американских войск с территории острова состоится лишь в том случае, если в текст кубинской Конституции (принятой в феврале 1900 г.) будут внесены статьи, гарантирующие американские интересы. Эти статьи вошли в историю как поправка Платта, по фамилии сенатора О. Платта, выступившего в роли их инициатора, хотя авторство поправки принадлежало государственному секретарю США Э. Руту. По условиям, изложенным в ней, Соединенные Штаты получили право контроля над внешней политикой Кубы, ей было запрещено заключать договоры с иностранными державами и брать у них займы без санкции американского правительства. Согласно поправке Платта, США так же получили право контролировать внутреннюю политику Кубы. Они брали на себя полицейские функции по установлению на острове порядка в случае возникновения на нем «волнений», которые американское правительство сочтет нежелательными, а потому вызывающими «необходимость» дипломатической или военной интервенции [4, с. 159-160]. Кроме того, Куба обязывалась передать в аренду США определенные участки своей территории для создания военно-морских баз. Таким образом, на острове установился американский протекторат, что, безусловно, положило начало глубинным американо-кубинским противоречиям, а вопрос о независимости (именно от США) стал наиболее болезненным для кубинской стороны.

В первой половине XX в. роль Соединенных Штатов на международной арене изменилась коренным образом. В результате Первой и Второй мировых войн, США стали как ведущей экономической державой, так и «политической фигурой номер один». С началом холодной войны США превратились в признанного лидера западного мира, опору Запада в противостоянии двух культурных систем, полагавших друг друга абсолютными

антагонистами. Это противостояние не могло не актуализировать традиционные американские ценности: политическая элита Соединенных Штатов трактовала противостояние в международных отношениях как квазирелигиозный конфликт между «демократией» и «коммунизмом» [6, с. 245]. Изменение сил на мировой арене требовало пересмотра и усовершенствования механизма выработки, принятия и реализации политических решений американскими администрациями. Разработка внешнеполитических стратегий требовала модернизации теоретической платформы, обоснования национальных интересов США в латиноамериканском регионе.

В своих поисках Вашингтон обратился к теоретической школе политического реализма, ключевой категорией которой является представление о национальном интересе, определяемом в терминах власти (силы), что позволило сделать его наиболее привлекательной теорией в отражении политических последствий Второй мировой, а затем и холодной войны. О его влиянии говорит и то обстоятельство, что некоторые из появившихся позже теорий возникли как развитие или антитеза отдельным положениям реализма: теория взаимозависимости, неолиберализм, конструктивизм [5, с. 13]. Кроме того, не одно поколение американских политиков были воспитаны на идеях представителей реализма. Выяснение истоков и основных положений данной теории позволяет глубже понять стереотипы мышления политической элиты США, принципы подготовки и принятия важнейших решений по военно-политическим вопросам.

Формирование реализма как теоретического направления в области изучения международных отношений произошло в 1940-х гг. В фокусе его внимания традиционно оставались проблемы власти, войны и мира. Идеи реалистов опирались на представительную научную традицию, восходя к трудам Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Н. Спакмена и др. Среди представителей американского реализма наиболее известны имена Г. Моргантау, Д. Кеннана. Следует отметить, что принципы политического реализма, изложенные в работах данных авторов, были востребованы политическими элитами для обоснования роли США как супердержавы в изменившемся после Второй мировой войны мире и формирования соответствующей внешней политики.

По мнению реалистов, внешнеполитическая стратегия любого государства определяется национальными интересами. Национальные интересы объективны, поскольку связаны с неизменной человеческой природой, географическими условиями, социокультурными и историческими традициями народа. Однако понимание национальных интересов конкретными политиками может быть различным. Основа же национального интереса, отражающая язык народа, его культуру, естественные условия его существования и т.п., остается постоянной. Поэтому внутренние факторы жизни страны (политический режим, общественное мнение и т.п.), которые могут меняться и меняются в зависимости от различных обстоятельств, не рассматриваются реалистами как способные повлиять на природу национального интереса. Соответственно, внутренняя и внешняя политика обладают значительной автономией по отношению друг к другу [8, с. 21-23]. Для международной политики, в данном случае, характерна анархичность отношений и постоянная борьба государств за существование и защиту своих интересов. Таким образом, внешнеполитическая стратегия каждого члена мирового сообщества должна исходить из трех «гоббсовских» мотивов: достижение безопасности государства; удовлетворение экономических требований политически влиятельных слоев населения; повышение авторитета страны в мировых делах. При этом внешнеполитические цели государств, формулирующиеся сквозь призму национальных интересов, должны быть поддержаны соответствующими ресурсами.

Политическая теория в виде научно-теоретических концепций в значительной мере создает идейную платформу, которая влияет на формулирование внешнеполитических стратегий и доктрин. Конечно, доктрины не являются прямой реализацией теории, а политика не воплощает доктрины в точности. Но поиски и установление идейных истоков практической политики помогают точнее интерпретировать содержание официальных деклараций, понимать особенности и эволюцию внешнеполитических стратегий.

Из вышесказанного следует, что американский протекторат над латиноамериканским регионом служил Вашингтону гарантом безопасности от распространяющейся «красной угрозы». Экономическая зависимость стран Латинской Америки от экономики США подкрепляла уверенность американского руководства в надежности выбранного метода взаимодействия и увеличивала вес Соединенных Штатов в глазах европейского сообщества.

Куба, всегда находившаяся в зоне особого внимания США, была сферой их прямых политических и экономических интересов. Так капиталовложения североамериканских монополий в 1958 г., т.е. накануне победы кубинской революции, превысили 1 млрд долларов (почти 12% всех капиталовложений США в Латинской Америке). Это предопределило то положение, что «лучшие сельскохозяйственные угодья, крупнейшие сахарные заводы, запасы полезных ископаемых, основные отрасли промышленности, железные дороги, банки, коммунальные предприятия, внешняя торговля попали под контроль американского капитала» [1, с. 18]. Убежденность США в том, что ничто не сможет нарушить *status quo* в Карибском регионе, подкреплялось авторитарным режимом проамериканского ставленника Ф. Батисты.

Бескомпромиссность внешней политики Соединенных Штатов в отношении Кубы на протяжении полутора веков, безусловная вера последних в свою избранность и правильность собственных подходов в решении политических проблем преимущественно с позиции силы, сформировали определенную политическую традицию, которая с трудом поддавалась корректировке. За долгое время США не смогли создать действенный механизм разрешения кубинского вопроса. Вашингтон не извлек позитивного урока из ошибок колониального владычества Испании. Американские администрации не считались с национальными особенностями кубинского народа, не принимали во внимание ущемление национального самосознания кубинцев, используя схемы, принятые в отношениях с колониями (более того, США сделали Кубу монокультурной,

превратив ее в «сахарницу» Соединенных Штатов, поставив в жесткую зависимость от своего рынка), а не с независимыми странами. Все это служило определенным раздражающим фактором для кубинской стороны, и, в конечном счете, привело к революции 1959 г.

Можно сделать вывод, что внешнеполитическая стратегия США в отношении Кубы в первой половине XX в. основывалась на политико-философских идеях Американской революции XVIII в., а именно на идеях империализма, свободы, богоизбранности американского народа, его особой миссии в истории. Кроме того, идея защиты Западного полушария от европейских агрессоров, подкреплялась положениями доктрины Монро и была продолжена теоретиками американского реализма, что вылилось в стойкую политическую традицию, предопределившую дальнейшее развитие американо-кубинских отношений вплоть до начала XXI в.

Список литературы

1. **I съезд КП Кубы (Гавана, 17-22 декабря 1975 г.):** сборник материалов и документов / ред. О. М. Дарусенкова. М.: Политиздат, 1976. 584 с.
2. **Американские федералисты: Гамильтон, Мэдисон, Джей:** избранные статьи / пер. с англ. Г. Фрейдин. Benson: Chalidze Publications, 1990. 328 с.
3. **Болховитинов Н. Н.** Доктрина Монро: происхождение и характер. М.: ИМО, 1959. 336 с.
4. **История США: хрестоматия:** учебное пособие для вузов / сост. Э. А. Иванян. М.: Дрофа, 2005. 399 с.
5. **Коньшев В. Н.** Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. СПб.: Наука, 2004. 372 с.
6. **Кортунов А. В.** Основные черты политической стратегии США в современном мире // Современные международные отношения. М.: Прогресс, 1998. 460 с.
7. **Сударев В. П.** Взаимозависимость и конфликт интересов. США и Латинская Америка (вторая половина XX века). М.: ИЛА РАН, 2000. 358 с.
8. **Цыганкова П. А.** Теория международных отношений. М.: Новая школа, 1996. 320 с.
9. **Gaddis J. L.** We Know Now: Rethinking Cold War History. Oxford: Clarendon Press, 1997. 425 p.
10. **Lokken R. N.** The Political Theory of the American Revolution: Changing Interpretations // The History Teacher. 1974. Vol. 8. № 1.
11. **Styles E.** The United States Elevated to Glory and Honor. Worcester: The Twentieth Century Fund, 1985. 315 p.

THE THEORETICAL BASES OF THE FORMATION OF THE FOREIGN POLICY STRATEGIES OF THE USA CONCERNING CUBA IN THE FIRST HALF OF THE XXTH CENTURY

Ekaterina Andreevna Kasatkina

Department of New and Modern History and International Relations

Kuban' State University

kasatkina_k@inbox.ru

On the basis of the political-philosophical ideas of the American revolution of the XVIIIth century and the works of the classics of political realism the author analyzes the principles of the formation of the USA foreign policy concerning Cuba and pays special attention to the evolution of Monroe's doctrine and the realization of its basic ideas in American foreign policy strategies.

Key words and phrases: American revolution; political realism; Monroe's doctrine; Platt's amendment; national interests.

УДК 94(470)(571.6)

В статье рассматривается процесс становления системы художественного образования Дальнего Востока во второй половине 1940-х - 1960-е гг., прослеживается формирование начального, среднего специального музыкального, театрального образования, раскрывается развитие высшего художественного образования региона.

Ключевые слова и фразы: музыкальная школа; художественная школа; музыкальное училище; театральное училище; Дальневосточный педагогический институт искусств; музыкальная культура.

Дарья Валерьевна Киба, к.и.н., доцент

Кафедра «История и архивоведение»

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет

kibadv@komsma.ru

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х - 1960-Е ГГ. ©

Художники, музыканты, писатели, актеры Дальнего Востока в рассматриваемый период внесли неоценимый вклад в развитие советской культуры. Художественная интеллигенция региона была одной из самых малочисленных групп интеллигенции, поэтому восточная окраина страны остро нуждалась в подготовленных